

КАБАЦКОВ Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). Автор более 100 научных публикаций*

ЛЕЙБОВИЧ Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии Пермского государственного института культуры. Автор более 300 научных публикаций**

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ДНЕВНИКАХ А.И. ДМИТРИЕВА

Целью настоящего исследования является реконструкция субъективного образа структуры советского общества 1940–1950-х годов на основании дневниковых записей «рабочего от станка» Александра Ивановича Дмитриева за 1942–1955 годы. Авторы рассматривают дневник как особый вид эго-документа, позволяющий воспроизвести субъектную сторону исторических процессов. В статье предпринята попытка воссоздать идеологический контекст, определявший содержание дневников советского рабочего А.И. Дмитриева. Для работы с ними применяются особые техники исторической критики, дающие возможность выявить смысловое наполнение исторических событий, зависящее от их участников. Авторы, опираясь на методологию У. Эко, ищут в текстах невидимые, или, иначе, отсутствующие, структуры, касающиеся социального порядка, сложившегося в стране к указанному периоду времени: представления о классах и общественных группах, о гендерных взаимоотношениях. Исходным положением, определяющим способы социальной идентичности автора дневника, избрана сталинская идея о трехчленном делении советского общества на рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию. В личной интерпретации А.И. Дмитриева строение советского общества рассматривается в вертикальной проекции. Его принадлежность к рабочему классу описывается как социальное превосходство по отношению к колхозникам. Основанием для этого служит более высокий уровень его культуры в сравнении с отсталостью сельских жителей. Свои гендерные привилегии автор дневника находит естественными, дающими право на привилегии и в отношении женщин. Кроме того, чтобы высокому статусу советского рабочего мог соответствовать личный уровень потребления, А.И. Дмитриев считает возможным нарушать известные ему нравственные нормы и законодательные ограничения.

Ключевые слова: советское общество, социальная структура, эго-документ, дневник А.И. Дмитриева, образ социального мира.

---

*Адрес: 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; e-mail: afsnik@gmail.com

**Адрес: 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18; e-mail: oleg.leibov@gmail.com

Для цитирования: Кабацков А.Н., Лейбович О.Л. Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А.И. Дмитриева // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 1. С. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.15

В историческом знании антропологический поворот проявился прежде всего в повышенном интересе к эго-документам: личной переписке, дневникам, записным книжкам. Речь идет об особом типе текстов, «в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия» [1, с. 14]. Для работы с ними применяются особые техники исторической критики, позволяющие выявить смысловое наполнение событий – как бывших в действительности, так и порожденных коллективным сознанием: фобиями, надеждами, предубеждениями, желаниями [2].

Среди эго-документов особое место занимают дневники. «Личные записи можно считать наиболее “объективными” из всех “субъективных” исторических документов» [3, с. 119–120]. Объективными в том смысле, что они аутентично передают личные впечатления, оценочные суждения, эмоциональное отношение к миру их авторов.

Публикации дневников советской эпохи 1930–1940-х годов позволили пересмотреть сложившееся ранее мнение, согласно которому «в полицейском государстве люди не ведут дневников, не доверяют ничего важного бумаге писем...» [4, с. 158]. Иное дело, что дневников той поры в распоряжении историков осталось не очень много. И дело здесь не только в том, что после революционных потрясений угасала традиция интеллигентных семей делать поденные записи для себя и для потомков, заносить на бумагу личные переживания вперемешку с впечатлениями от прочитанных книг и увиденных спектаклей, переписывать строчки из стихов и услышанные *bon mot* от знакомцев...

Кардинальным образом изменился бюджет времени. Советские служилые интеллигенты в 1930-е годы, как правило, отдавали работе и общественным нагрузкам отнюдь не 8 ч в сутки, а все 10–12 и более. Для научных работников нормой считалась занятость в нескольких образовательных и исследовательских учреждениях.

Известный советский гигиенист З.Г. Френкель вспоминал: «На запрос дирекции о согласии переехать вместе с ВИЭМом в Москву я не мог дать утвердительного ответа, так как был связан с работой в Ленинграде в качестве профессора во 2-м Ленинградском медицинском институте и в ГИДУВе, а также в Институте коммунального хозяйства»¹. Кроме того, жизнь в переполненных коммунальных квартирах исключала возможность уединения человека с записной книжкой – уединения, столь необходимого для диалога с самим собой. Так, в 1936 году в Перми, согласно отчетам чиновников², на каждого жителя приходилось 2,75 м². Впрочем, в иные времена и писчая бумага становилась дефицитным товаром. Не следует сбрасывать со счетов и страх перед всевидящим оком карательных органов.

В начале 1930-х годов партийные власти практиковали новый вид дневников: назовем их коллективистскими, или публичными. Молодым партийцам и комсомольцам, только что освоившим грамоту, вменяли в обязанность вести записи об общественной работе, трудовых достижениях, конспектировать партийные передовицы и проч., а затем предъявлять их партийному начальству, журналистам, литераторам. «Молодой тогда писатель Г. Медынский работал над “Историей метро” на основе дневников (не мемуаров!), поскольку “легче и целесообразней ловить современность, чем восстанавливать ее как историю»» [5, с. 104]. Дневник такого рода можно рассматривать как особый инструмент «культурной революции»: человек описывает шаг за шагом свое преобразование из обывателя в строителя новой жизни. «В дневниках тех лет хорошо видно ощущение настоящего как переломного исторического момента, а также необычное желание прибегнуть к насильственным методам ради преодоления вообразимого рубежа. Такое ощущение порождало бесчисленные индивидуальные проекты

---

¹Френкель З.Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р.Б. Самофал. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 400.

²ПермГАСПИ (Перм. гос. арх. соц.-полит. ист.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1102. Стенограмма V-й Пермской городской партийной конференции: в 3 т. 1936. 7–8 июля: [машинопись]. Т. 3. Л. 57.

самопреобразования, характеризующиеся беспрецедентным ощущением возможности и необходимости» [6].

Кроме публичных дневников сохранились и дневники интимные, в т. ч. из военной эпохи. Люди, работавшие на оборонных предприятиях по 11–12 ч в день, без отпусков на протяжении всей войны, с редкими выходными днями, находили в себе силы делать поденные записи, вести журнал событий и впечатлений³.

В этом ряду находится и дневник Александра Ивановича Дмитриева – рабочего моторостроительного завода имени Сталина Наркомата авиационной промышленности СССР⁴. Дневники А.И. Дмитриева опубликованы на электронных носителях⁵. Послевоенный дневник доступен на сайте «Прожито»⁶. Стоит отметить, что публикация дневника А.И. Дмитриева не осталась незамеченной [7].

Цель данного исследования заключается в реконструкции субъективного образа структуры советского общества 1940–1950-х годов на основании дневников «рабочего от станка» А.И. Дмитриева (1942–1955 годы). Для отечественной исторической традиции субъектный подход к социальной структуре остается мало разработанным, что крайне упрощает историческое знание о социальных практиках советских людей. Антропологический поворот в гуманитарных науках в значительной мере актуализирует обращение исследователей к изучению субъектной стороны исторических процессов и явлений.

Историческая критика эго-документов, прежде всего дневников, требует соблюдения некоторых специфических процедур, в первую очередь

выявления так называемых невидимых структур, названных У. Эко «отсутствующими». Речь идет о контексте, т. е. освоенной автором идеологии, не переведенной им в знаки, проще говоря, в слова и суждения [8, с. 528]. Стало быть, изучая текст, необходимо искать в нем специально не артикулированные или артикулированные слабо авторские предустановки: топоры современной ему культуры, кажущиеся ему очевидными, не нуждающиеся даже в упоминании. Так, авторы мемуаров об эпохе Николая I, вышедшие из придворной, военной или чиновной среды, восхищались им даже потому, что «в физическом отношении он был превосходнее всех мужчин из генералитета и офицеров...» [9, с. 14]. В соответствии с негласной конвенцией так было принято говорить и писать об обожаемом монархе. В 1930–1940-е годы XX века место конвенций и договоренностей заняла идеология, точнее, насыщенный ею язык эпохи – газетный большевистский.

Мы находим одну из таких предустановок самоопределения автора дневникового текста в социальной структуре советского общества. Во второй половине 1930-х годов утвердилась жесткая и понятная идеологическая схема: все население страны было объединено метафорой «советский народ». Пропаганда повторяла сталинские слова: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического барства»⁷. Авторы дневников, опубликованных И. Хелльбеком, действительно старались соответствовать этому высокому званию [10].

А.И. Дмитриев – человек, безусловно, советский и по времени рождения, и по происхождению,

³Гриневиц В.И. В дни войны. Дневник подростка и воина. Среднеуральск: Б. и., 2000. 311 с.; Так мы жили... / сост. Н. Найденова. Пермь: Б. и., 2010. 175 с.

⁴Семянников В.В., Быстрых Т.И. Дмитриев Александр Иванович // Пермский край: электрон. энцикл. 2009. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803701272> (дата обращения: 25.12.2018).

⁵Дневник рабочего [VII. 1941 – VII. 1944]. Документальная публикация / под ред. О.Л. Лейбовича, А.С. Кимерлинг. Пермь, 2016. CD // ПермГАСПИ; Дневник рабочего [III. 1946 – XII. 1955]. Документальная публикация / под ред. О.Л. Лейбовича, А.С. Кимерлинг. Пермь, 2015. CD // ПермГАСПИ.

⁶Дневник А.И. Дмитриева. 1946–1955 // Прожито: Личные истории в электронном корпусе дневников. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221947-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 25.12.2018).

⁷Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 320.

и по месту проживания, и по роду занятий, и по образованию. Он – потомственный рабочий, горожанин во втором поколении, комсомолец, в прошлом – учащийся авиационного техникума; только собственную идентичность он противопоставлял не каким-то безымянным «буржуазным чинушам», но вполне конкретным «немцам», или «фашистам», проявляя готовность отдать жизнь в борьбе с врагом: «Даже если получится так, что до последнего момента меня не возьмут в армию, то я уже и при оккупации буду стараться уничтожать немцев. И тогда, в конце концов, смерть будет неизбежна. Но не надо думать, что с падением Москвы окончится война. Она будет продолжаться до полного разгрома фашизма. Пусть пока он имеет временные победы, но все же в конечном результате мы победим. На душе невесело»⁸.

Словам А.И. Дмитриева соответствовали и его поступки. Он вступил в группу содействия военной охране завода: «В мои обязанности входит пресекать все “несоветские разговоры” и докладывать о лицах, их ведущих, в военную охрану. “Шпионская работа”, но раз приказано – придется выполнять»⁹.

И. Хелльбек квалифицировал такое состояние личной культуры как «слияние повседневности с идеологическим сознанием» [6].

Однако проблема идентификации для современников А.И. Дмитриева отнюдь не исчерпывалась чувством принадлежности к советскому народу. Власть предлагала им и другие самохарактеристики, занесенные в анкетные графы: социальную принадлежность, происхождение, национальность, место жительства... Прежде всего речь идет о социальной структуре совет-

ского общества. В 1936 году власть предложила ясную и четкую модель социального строения советского народа. Всех людей распределили по трем большим группам: рабочие, колхозники и трудовые интеллигенты¹⁰. Это соответствовало сохранившемуся разделению труда на физический и умственный в одной проекции, а в другой – на аграрный и индустриальный.

«Отношения между этими группами строились как распределение: крестьяне потребляли продукцию рабочих и производили предметы потребления рабочих. Рабочие присваивали продукты, произведенные крестьянами, и производили то, что было необходимо крестьянам. Служащие распределяли и контролировали потоки продуктов от крестьян к рабочим и обратно, следя за тем, чтобы потребление каждой группы удовлетворяло критериям социальной справедливости, вернее, тому, как она понималась государством на каждом этапе построения социализма. Государство строго фиксировало принадлежность к социальной группе и контролировало посредством квот, ограничений и репрессий состав каждой группы и их отношения друг с другом» [11, с. 38].

Люди 1930–1940-х годов приняли эту модель социальной структуры как единственно правильную, соответствующую реальному положению вещей, только с небольшой поправкой. В сталинском докладе, а также в многочисленных его переложениях в плакатах, передовицах, рифмованных строках, положенных на музыку, школьных учебниках и др. ничего не говорилось об имущественной дифференциации, о различиях в потреблении, о том, что бросалось в глаза советским гражданам¹¹.

⁸ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 1. Д. 10. Дневник А.И. Дмитриева. 25.10.1941. Л. 40 об.

⁹Там же. Дневник А.И. Дмитриева. 2.05.1942. Л. 98.

¹⁰Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И.В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 14. С. 122.

¹¹«Под углом зрения собственности на средства производства разницы между маршалом и прислугой, главой треста и чернорабочим, сыном наркома и беспризорным, как бы не существует. Между тем одни из них занимают барские квартиры, пользуются несколькими дачами в разных местах страны, имеют в своем распоряжении лучшие автомобили и давно забыли, как чистят собственные сапоги; другие живут в деревянных бараках, часто без перегородок, ведут полуголодное существование и не чистят сапог только потому, что ходят босиком. Сановнику эта разница представляется не заслуживающей внимания. Чернорабочему она не без основания кажется очень существенной» [12, с. 199].

А.И. Дмитриев, если судить по образованию, должен был причислять себя к интеллигенции. Он учился в техникуме, закончил школу мастеров социалистического труда, получив соответствующее удостоверение; оно давало право занимать административные должности на производстве – вплоть до начальника цеха. А.И. Дмитриев исполнял функции мастера, карьеры не искал, считал себя рабочим. Своим социальным статусом отнюдь не тяготился, выстраивая дистанцию и в отношении деревенских жителей, и в отношении государственных служащих. Жителей деревни он третировал как «колхозников», людей отсталых, не освоивших передовую культуру: «Вот сейчас и пойдет музыка, от которой придется даже радио выключать. А все получается почему? Потому что выбрали в Верховный Совет разных “знатных” доярок, трактористов или “знатных” пастухов. Ну, вот они и давай подымать голос, что такая музыка, как например, “Во поле березонька стояла” лучше, чем какая-нибудь оперная ария. Темнота на светлом месте всегда будет темной. Ее уже не переучишь»¹². Записей такого рода в дневнике отнюдь не мало¹³.

А.И. Дмитриев подчеркивал свое социальное превосходство и в отношении к чиновному люду, к «каким-то подполковникам», с которыми столкнулся в командировке в воинскую часть¹⁴.

Социальное высокомерие автора дневника опиралось, как нам видится, на несколько оснований: высокую квалификацию, место работы (передовой авиационный завод), но главное – культурность, т. е. начитанность, проведение

досуга в театральных залах и музеях, в конечном счете, умение «самостоятельно строить свое повседневное поведение в соответствии с нормами культурной жизни» [13, с. 209].

Отметим, что в официальную трактовку социальной структуры советского общества идея культурной дифференциации не входила. Здесь А.И. Дмитриев адаптировал идеологический текст к собственным представлениям о личностном статусе, иначе говоря, приватизировал властный текст в соответствии с индивидуальным (групповым) интересом. По мнению А. Галкина, такого рода процедуры на закате советской эпохи приобрели массовый характер [14, с. 85]. Подобные записи в дневнике датированы 1940-ми годами. А.И. Дмитриев постоянно подчеркивал: я не просто советский человек – я советский рабочий и потому нахожусь на вершине социальной пирамиды, обозначенной в официальных документах. Он может похвалить директора завода: хороший дворец культуры отстроил – и тут же выбрать: не ведает человек, что творит, самоуправствует.

Своего непосредственного начальства он не боится нисколько, знает, что всегда может с ним договориться. Таких специалистов, как он, еще надо поискать – и все равно не найдешь. А.И. Дмитриев планировал убежать в Москву, т. к. «в Молотове жить трудно». Он писал, что, придя в отдел найма и увольнения на завод № 24, скажет им: «...пусть они что хотят, то со мной и делаю[т]. Или на работу принимают или арестовывают»¹⁵. Конечно, он надеялся, что возьмут, потому что квалификация высокая. Иначе говоря,

¹²Дневник А.И. Дмитриева. 24.02.1948. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221948-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 25.12.2018).

¹³Заметим, что в рабочей среде долго сохранялось недоверчивое, а иногда и неприязненное отношение к колхозникам как к «хозяйчикам», наживающимся на нуждах городского населения, виновным в нехватке продуктов: «Довожу до Вашего сведения, что в Усть-Боровских судоремонтных мастерских имеются случаи контрреволюционных выступлений, как, например, Щукин – работал токарем механического цеха, среди рабочих протаскивал, что “колхозы нужно распустить, а колхозников перестрелять”». См.: ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 301. Антропов – Самарскому. Усть-Боровск. 28.02.1937. Л. 182.

¹⁴Дневник А.И. Дмитриева. 26.10.1953. URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221953-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 25.12.2018).

¹⁵ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 1. Д. 12. Дневник А.И. Дмитриева. 12.06.1944. Л. 35 об.

в позиции советского рабочего автор дневника чувствовал себя вполне уютно и выстраивал отношения с людьми иных социальных групп в соответствии с собственными представлениями о своем высоком социальном положении.

Если социальная структура советского общества была прописана в авторитетных государственных актах, то образы гендерной дифференциации принадлежали устной традиции, отнюдь не артикулированной газетным большевистским языком. Тем не менее А.И. Дмитриев свой социальный статус измерял маскулинными достоинствами. Женщина в его дневнике – объект для обольщения, либо для любовных игр, либо для потребительских практик. Он дифференцирует женщин по нескольким шкалам – все по той же культурности, общественному положению, доступности и хозяйственной выгоде, например: «Новая знакомая, оказывается, очень развитая девушка: участвовала во многих туристских походах, в том числе и по р. Чусовой, имеет значок “Альпинист 1-й ступени”, и вообще девушка неплохая»¹⁶.

С процессом взросления возрастает и требовательность: «27 ноября 1942 г. Раньше у меня были такие желания, как например: посидеть где-нибудь с девушкой вечер, поцеловать ее, обнять. А сейчас уже стараешься добиться от знакомой девушки чего-то более существенного. В общем, из мальчишеского возраста я уже вышел. Ведь мне сейчас 24 года»¹⁷. Более существенное – это дополнительные талоны на питание, пропуск в столовую для других работников и др.

Автор дневника – мужчина, и в этом смысле он ощущает собственную привилегированность: у него есть исключительные права по отношению к женщинам: оценивать, выбирать, отказываться, брать компенсацию за доброе отношение – продуктами и услугами.

Иными словами, в контексте устной традиции, кажущейся ему естественной, и опубликованных правительственных актов А.И. Дмитриев обнаруживает свою идентичность в советском социуме. Мужчина, рабочий высшей

квалификации, горожанин, человек культурный – судя по этим характеристикам, он конструирует свое право принадлежать к вершине советского общества. К высокому социальному положению прилагается и соответствующий достаток. «Выделение “социалистических” кадров сопровождается, таким образом, возрождением буржуазного неравенства», – заметил предвзятый и зоркий наблюдатель [13, с. 197–198].

А.И. Дмитриев знал цену деньгам, умело лавировал в заводском лабиринте, меняя место работы, должность, подразделение, с тем чтобы не потерять, а вернее увеличить свой не малый по тем меркам заработок. Его дневник может служить путеводителем по рыночным и государственным ценам 1941–1955 годов в г. Молотове. Однако, для того чтобы обеспечить сначала себе, а потом и семье приличные доходы, ему приходилось ловчить, обманывать, прятаться от нескромных взглядов, хитрить с начальством и милицией; в общем, все время пребывать в зоне риска, в которой отступления от норм официальной нравственности незаметно перетекали в административные правонарушения, а затем и чистую уголовщину. Другими словами, ментальные установки – быть передовым советским рабочим, сознательным и культурным – вступали в противоречие с обыденными практиками.

Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А.И. Дмитриева характеризуется прежде всего узостью социальных горизонтов. Они ограничены жизненным миром автора (пространством завода, рабочего поселка и дома). А.И. Дмитриев преимущественно замечает только тех людей, с которыми взаимодействует в этих пространствах. Характер взаимодействия определяет его оценку тех или иных социальных группировок. В тексте А.И. Дмитриева мы не находим развернутой социальной рефлексии по поводу собственного социального положения в отношении иных социальных группировок. Здесь проявляется, скорее всего, социальный инстинкт мастерового, позволяющий ему правильно ориентироваться в окружающей среде.

¹⁶ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 1. Д. 10. Дневник А.И. Дмитриева. 4.08.1941. Л. 10 об.

¹⁷Там же. Д. 11. Дневник А.И. Дмитриева. 27.11.1942. Л. 33.

И можно поставить вопрос: как в одном и том же тексте соединились в единое целое отнюдь не однородные ценностные структуры – советская, традиционная (даже архаическая) и делинквентная? Причем в сумме они формировали образ социальной структуры для автора дневника. Была

ли такая неконсистентность индивидуальной особенностью самосознания либо мы имеем дело с одной из особенностей повседневной культуры определенного социального слоя? Так или иначе, в дневнике А.И. Дмитриева картина советского мира выстроена по разным культурным лекалам.

Список литературы

1. Троцкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14–31.
2. Пянкевич В.Л. Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014. 479 с.
3. Быкова С.И. Дневники 1930-х годов: terra sovietica incognita // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 117–138.
4. Ефимов И. Шаг вправо, шаг влево // Звезда. 2003. № 9. С. 158–166.
5. Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: Ин-т рос. ист. РАН, 1997. 215 с.
6. Хелльбек И. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. 2010. № 4(72). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html> (дата обращения: 25.12.2018).
7. Скиперских А.В. Как при Сталине // Свобод. мысль. 2015. № 4. С. 208–215.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
9. Гершензон М. Николай I и его эпоха. М.: Захаров, 2001. 230 с.
10. Хелльбек И. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900–1933) / пер. с англ. А. Щербенка // Новое лит. обозрение. 2012. № 4(116). С. 374–384.
11. Кордонский С.Г. Социальная структура и механизм торможения // Постижение. М.: Прогресс, 1989. С. 36–52.
12. Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. 256 с.
13. Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социол. журн. 1996. № 1-2. С. 194–213.
14. Галкин А.А. Тенденции изменения социальной структуры // Социол. исслед. 1998. № 10. С. 85–91.

References

1. Troitskiy Yu.L. Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyy resurs istorika [Analytics of Ego-Documents: An Instrumental Resource of the Historian]. *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in Ego-Documents: Research and Sources]. Yekaterinburg, 2014, pp. 14–31.
2. Pyankevich V.L. *Lyudi zhili slukhami. Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [People Lived by Rumours. Informal Communicative Space of Besieged Leningrad]. St. Petersburg, 2014. 479 p.
3. Bykova S.I. Dnevniky 1930-kh godov: terra sovietica incognita [Diaries of the 1930s: Terra Sovietica Incognita]. *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in Ego-Documents: Research and Sources]. Yekaterinburg, 2014, pp. 117–138.
4. Efimov I. Shag vpravo, shag vlevo [Left Step, Right Step]. *Zvezda*, 2003, no. 9, pp. 158–166.
5. Zhuravlev S.V. Fenomen “Istorii fabrik i zavodov”: Gor'kovskoe nachinanie v kontekste epokhi 1930-kh godov [The Phenomenon of the “History of Factories and Plants”: Gorky's Initiative in the Context of the Era of the 1930s]. Moscow, 1997. 215 p.
6. Hellbeck J. Povsednevnyaya ideologiya: zhizn' pri stalinizme [Everyday Ideology: Life Under Stalinism]. *Neprikosnovenny zapas*, 2010, no. 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/he2.html> (accessed 25 December 2018).
7. Skiperskikh A.V. Kak pri Staline [As It Was Under Stalin]. *Svobodnaya mysl'*, 2015, no. 4, pp. 208–215.

8. Eco U. *La struttura assente: Introduzione alla ricerca semiologica*. Milan, 1968 (Russ. ed.: Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. St. Petersburg, 2006. 544 p.).
9. Gershenzon M. *Nikolay I i ego epokha* [Nicholas I and His Epoch]. Moscow, 2001. 230 p.
10. Hellbeck J. Zhizn', prochtennaya zanovo: samosoznanie russkogo intelligenta v revolyutsionnuyu epokhu (1900–1933) [Life Read Anew: Self-Consciousness of the Russian Intellectual in the Revolutionary Era (1900–1933)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 374–384.
11. Kordonskiy S.G. Sotsial'naya struktura i mekhanizm tormozheniya [Social Structure and the Mechanism of Inhibition]. *Postizhenie* [Comprehension]. Moscow, 1989, pp. 36–52.
12. Trotsky L. *Predannaya revolyutsiya* [The Revolution Betrayed]. Moscow, 1991. 256 p.
13. Volkov V.V. Kontsepsiya kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaya tsivilizatsiya i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The Concept of Culture, 1935–1938: Soviet Civilization and the Everyday Life in Stalin's Time]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1996, no. 1-2, pp. 194–213.
14. Galkin A.A. Tendentsii izmeneniya sotsial'noy struktury [Trends Towards Changes in the Social Structure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1998, no. 10, pp. 85–91.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.15

Andrey N. Kabatskov

National Research University Higher School of Economics;
ul. Studencheskaya 38, Perm, 614070, Russian Federation;
e-mail: afsnik@gmail.com

Oleg L. Leybovich

Perm State Institute of Culture;
ul. Gazety "Zvezda" 18, Perm, 614000, Russian Federation;
e-mail: oleg.leibov@gmail.com

SUBJECTIVE IMAGE OF THE SOCIAL STRUCTURE OF SOVIET SOCIETY IN THE DIARIES OF A.I. DMITRIEV

The diary is considered in the article as a special kind of ego-document, allowing us to reproduce the subjective side of historical processes. This paper aimed to reconstruct the subjective image of the structure of Soviet society of 1940–1955 based on the diaries of the Soviet worker Aleksandr Ivanovich Dmitriev dated 1942–1955. In addition, we attempted to recreate the ideological context that determined the content of these diaries. To work with them, special methods of historical criticism were used, making it possible to reveal the semantic content of historical events depending on their participants. Based on the methodology by Umberto Eco, the authors searched the texts for invisible or, in other words, missing structures related to the social order in the country at that time: the notions of classes and social groups, as well as gender relations. The starting point determining the way of Dmitriev's social identity is Stalin's idea about the division of Soviet society into the working class, collective farmers, and working intelligentsia. Dmitriev views Soviet society in a vertical projection. His belonging to the working class is described as social superiority over collective farmers due to his higher level of culture in contrast to the backwardness of the rural dwellers. He also finds his gender privileges natural. To ensure that his personal level of consumption corresponds to the high status of the Soviet worker, Dmitriev considers it possible to consciously violate moral norms and legislative restrictions.

Keywords: *Soviet society, social structure, ego-document, diary of A.I. Dmitriev, image of the social world.*

Поступила: 30.07.2018

Принята: 01.10.2018

Received: 30 July 2018

Accepted 1 October 2018

For citation: Kabatskov A.N., Leybovich O.L. Subjective Image of the Social Structure of Soviet Society in the Diaries of A.I. Dmitriev. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 1, pp. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.15